

вало ему находить радость в соприкосновении с окружающим его конкретно-чувственным миром.

Мотив зеркала помогает осмыслить реальный мир как отражение. Державина при преобразении этого мотива в поэтические метафоры, как кажется, интересовали три возможности:

1) поэтически выразить в эпоху, когда «просвещение» было модой, ощущение набожности и благочестия; именно такой была натура поэта;

2) показать, что в малом и единичном явлен и внятен весь мир как создание Творца;

3) выразить, и в первую очередь в поэзии, идею бессмертия.

Если попытаться высказать эти идеи языком прозаической повседневности, что неоднократно делали поэты эпохи Просвещения, то они, конечно, сохранят свое философское значение, но не поэтическую выразительность и не способность воздействовать на читателя. Именно этого эффекта добивается поэт. Его поэтическое изображение мира значительно превосходит возможности классицистической риторики, господствовавшей в России до 1760–1770-х гг. Кто пришел к заключению, что реальный мир лишь отражение иной действительности, тот может преобразить и переосмыслить любой риторический прием и в конце концов от него отказаться. После 1795 г. роль мотива зеркала в творчестве Державина значительно уменьшается. Поэт пробует свои силы в драме (впрочем, не особенно удачно) и возвращается к анакреонтике своей юности.

И все же созданное Державиным в течение почти двух десятилетий, с 1774 по 1795 г., определило дальнейший путь политически независимой поэзии.

Перевод с немецкого К. Ю. Лапто-Данилевского